

Очерк 18

Некоторые тенденции материально-экономической дифференциации в 90-е годы

18.1. Перемены в сфере труда и быта как факторы социальной дифференциации

Как видно из предыдущих очерков, одни из глубоких изменений в трудовых отношениях, условиях занятости, размерах и формах оплаты труда, происходивших в нашей стране с конца 80-х - начала 90-х гг., способствовали сдвигам в условиях жизни больших масс людей, в общем и целом, в лучшую сторону (хотя и в разной степени); векторы других обуславливали скорее нежелательные тенденции в их жизни; третьи были источниками одновременно и негативных, и позитивных перемен в положении разных групп населения. При этом, как правило, не происходило никакого взаимного «погашения» положительных и отрицательных тенденций. В реальной действительности одни стороны жизни людей становились благоприятнее, чем в советском прошлом, и в конце 90-х гг. — лучше, чем в их начале, у истоков радикальной трансформации российского общества. Причем у одних групп улучшения были более, а у других менее интенсивными. Другие аспекты жизненной обстановки, к сожалению, ухудшались, и также по разному и в разной мере у тех или иных групп в составе народного большинства.

Естественно, что эти перемены повлияли — и тоже не одинаково — не только на текущее, «сиюминутное» положение больших масс людей, но и на их возможности приспособляться к меняющимся условиям, использовать новые обстоятельства в своих интересах. Иначе говоря, адаптационные ресурсы одних людей расширились, других — сузились и, наконец, еще у очень многих (скорее, у большинства) происходило одновременно и возрастание, и уменьшение этих ресурсов. В результате социальный статус и материальное положение первых за время реформ более или менее существенно повысились; они, скорее, выиграли от перемен. В свою очередь, очень многие проиграли от резких и быстрых изменений — одни в большей, другие в меньшей степени. Наконец, самая многочисленная часть народного большинства — «большинство большинства» — в одних отношениях выиграла, а в других проиграла. На этой основе стали усиливаться или, во всяком случае, меняться

формы и характер социальной и материальной дифференциации, весь социальный ландшафт российского общества — начал приобретать новое строение. Выявление современных тенденций (хотя бы первичное) можно оценивать как логическое завершение исследования перемен в сфере занятости, трудовых отношениях, потреблении и условиях быта.

При этом, конечно же, в общественной дифференциации материально-экономические элементы далеко не всегда играют ведущую роль, и уж во всяком случае никогда не исчерпывают всех ее факторов. Однако как раз в сегодняшней России деления по материально-экономическому положению, не охватывая всю систему значимых общественных различий, могут оказаться ключом к пониманию очень существенных процессов, формирующих новые социальные неравенства и определяющих напряженность социального развития в целом. «Если стратификация советского общества базировалась в первую очередь на административно-должностном критерии, связанном с местом работника в системе власти и управления, — отмечала в этой связи Т. И. Заславская, — то теперь решающую роль приобрел критерий собственности и доходов»¹.

Это связано прежде всего с тем, что в обществе, переживающем переходный кризис, и во времена, когда в основном разрушены государственно-социалистические порядки, для которых была характерна во многом искусственная, навязанная государством ограниченность различий в материальном положении основной массы населения, и когда одновременно идет складывание рыночно-капиталистических отношений — в такие времена и в таком обществе материально-экономическая дифференциация достигает особой глубины. В стабильных, устоявшихся социумах материально-экономическая дифференциация по большей части сопряжена с разной степенью проявления одних и тех же тенденций. Скажем, в одни эпохи положение большинства улучшается, в другие, наоборот, ухудшается, но у разных групп в разной степени, что и создает главную ось материально-экономической дифференциации. Здесь абсолютное повышение жизненного уровня зачастую сочетается с относительным обеднением тех, чья жизнь улучшается медленнее, чем у других (в первом случае), а абсолютное понижение жизненного стандарта — с относительным обогащением тех, кто теряет сравнительно немного (во втором случае). Но в подобных ситуациях не слишком часто встречается параллельно происходящее абсолютное обогащение и абсолютное обеднение значительных масс людей. Между тем для нашего кризисного социума характерны именно одновременность и сопоставимые масштабы процессов как абсолютного обеднения и обогащения, так и относительного ухудшения и улучшения жизни различных групп населения. Естественно, в подобных условиях материально-экономические различия оказывают на общественную жизнь

более сильное воздействие, нежели то бывает в обстановке преобладания однонаправленных тенденций.

К тому же разрушение тотально идеологизированного и политизированного госсocialистического строя может привести (и действительно ведет) к тому, что необходимая деидеологизация (в смысле устранения всеобщего подчинения общественной жизни догмам идеологии) оборачивается тотальным отказом от идеологии, от нравственных и идеальных императивов вообще и возникает опасность идейно-этического вакуума. В обстановке подобного вакуума материально-экономическое положение людей и групп может на какое-то время стать суррогатом идейных и этических критериев, чуть ли не единственным показателем жизненных достижений, приобрести самоценное значение.

Но, в то же время, повышение роли денег и материально-экономических ценностей в качестве измерителя жизненного успеха, создавая угрозу идеальным началам людского существования, многообразие его целей, одновременно оказывается мощным средством утверждения равенства различных видов жизнотворчества. В этом смысле замещение множества профессиональных, чиновных, наследственных статусов деньгами есть форма демократизации повседневной жизни. Вероятность материальных достижений и связанного с ними признания остается, конечно, неодинаковой для категорий и групп, имеющих разный социальный статус и занятых разными видами социальной активности. Но, по крайней мере, слабеет внеэкономическая иерархия сословно-статусной принадлежности, которая составляет отличительную черту феодальных и тоталитарных (в том числе госсocialистических) обществ. Так что в момент перехода к рыночному (капиталистическому или посткапиталистическому) общественному устройству материально-экономическая дифференциация может замещать дифференциацию ценностно-культурную.

И еще одно обстоятельство повышает важность анализа материально-экономических различий. Переходная природа нынешней социальной ситуации придает всем ее элементам, в том числе и социальной дифференциации, смутный — незавершенный и не до конца выявленный — характер. Если то, от чего отходит Россия, что рушится в нашей стране, сравнительно понятно, то куда мы движемся, какой строй и какая социальная структура формируется у нас, пока еще далеко не ясно. Последовательное изучение отдельных сторон, обозримых «кусочков» действительности, сосредоточение внимания на том, что может быть подвергнуто анализу, исходя из имеющихся материалов, так или иначе определяет главные подходы к постепенному познанию социальных реальностей, кристаллизирующихся на наших глазах из первичной «социальной взвеси» переходного времени. В данной связи полезно, отбирая объекты изучения, учитывать не только их

потенциальное значение в жизни социума (тем более, что пока трудно быть уверенным в сравнительной важности тех или иных феноменов), но и брать в расчет доступность объектов исследования, надежность и богатство характеризующих их данных. Между тем изучение материально-экономических различий обеспечено такими данными лучше, чем исследование многих других сторон социальной дифференциации. Кроме того, эти различия в известном смысле проще социально-культурных и социально-классовых делений. Соответственно, они особенно пригодны для первичного анализа, ибо при полной неясности разумно начинать с того, что является или представляется более простым.

В последнее время появляется все больше работ, посвященных первичному анализу материально-экономической, прежде всего, доходной дифференциации населения России². При этом множественность подобных исследований никак не говорит об их избыточности. Скорее наоборот, множественность отражает тут объективную необходимость изучения «смутной» действительности именно посредством последовательных, несколько раз повторяемых исследований, базирующихся на разных приемах расчета. Иначе говоря, многократность в подобных обстоятельствах — не поиск единственного наилучшего решения, но серия исследований, каждое из которых образует частичное, относительное измерение, и лишь их совокупность формирует примерное представление о параметрах изучаемых процессов. В неотстоявшейся реальности, которую пока не обнимает никакая общепризнанная развернутая теория, только такая «серийная техника» многократных исследований одних и тех же объектов дает надежду хотя бы эмпирически нащупать возникающие в обществе деления и связи, а также их примерные пропорции и интенсивность. (Подобно тому, как множество шурфов позволяют приблизительно очертить границы «рудного тела».)

18.2. Возможность и целесообразность использования многомерных методов для выявления материально-экономических различий

Специфика подхода, развиваемого в настоящем очерке в ряду других исследований материально-экономической дифференциации состоит, помимо всего прочего, в том, что параметры этой дифференциации определяются в ней на многомерной основе*. Сразу же оговоримся, что используя многомерные подходы к изучению материально-экономического положения, мы отнюдь не считаем их заведомо, во всех обстоятельствах более предпочтительными сравнительно с критериями

---

* Все многомерные расчеты в дальнейшем изложении, равно как и разработка многомерных критериев, осуществлена совместно с А. Т. Терехиным и Е. В. Будиловой³.

одномерными. Как известно, любые варианты многомерного анализа имеют немалые слабости, в первую очередь обусловленные зависимостью их итогов от набора исходных признаков и методов измерения связей между объектами в пространстве этих признаков. Сама многочисленность признаков, составляющая главное преимущество многомерного подхода, одновременно, особенно если они включаются в расчет не на основе убедительно доказанной теории дифференциации (которой пока что нет и в помине), обуславливает высокую колеблемость получаемых результатов. Достаточно увеличить или уменьшить перечень учитываемых признаков, и конечные количественные выводы могут заметно изменяться*. Но ведь и выбор одного показателя для характеристики формирующихся делений тоже не выглядит очевидным.

Показатель душевого дохода, чаще всего используемый в качестве единственного при измерении параметров материальной дифференциации, в современной России не слишком достоверен⁵. Что касается других характеристик, само их расхождение друг с другом показывает недостаточность каждой из них, взятой в отдельности. Например, в рамках рассматриваемых здесь обследований середины 90-х гг. материальное положение своей семьи как хорошее и очень хорошее обычно оценивало около 5 % респондентов. Но примерно 45-50 % тех же людей говорило, что, хотя им приходится экономить, в целом они живут более или менее прилично, либо их доходы вообще избавляют их от материальных забот. Одновременно 15-20% опрошенных сообщали, что они удовлетворены своим материальным положением, 45-50 % — питанием, свыше 50 % — жильем. Поэтому масштабы ложных заключений в случае использования неправильно выбранного единственного показателя явно превосходят размах вероятных ошибок, получающихся вследствие неточности некоторых из совокупности нескольких характеристик. Но в целом исследование социально-экономического, в том числе материального, положения принципиально требуют многократных описаний и расчетов, строящихся на разной методической основе и корректирующих таким образом слабости каждой из методик.

В самом общем виде многомерные критерии (как и одномерные) и основанные на них классификации можно подразделить на две категории. Во-первых, критерии теоретические и логические, выводимые, так сказать, «извне», на основе суждений, постулируемых независимо от хода и итогов исследования, в рамках которого они применяются, и нередко еще до его проведения. Во-вторых, критерии естественно-эмпирические, строящиеся на большей или меньшей близости, сходстве элементов изучаемых явлений, которая (близость) выявляется непосредственно в процессе исследования. Скажем, многомерный

* В некоторых наших прежних работах содержательные следствия этого свойства многомерных расчетов описаны более подробно⁴.

логический критерий имущественной обеспеченности будет строиться на основе заранее задаваемого перечня видов и числа предметов, наличие которых как раз и явится в этом случае показателем того или иного уровня обеспеченности. В то же время многомерные естественно-эмпирические критерии той же имущественной дифференциации надо конструировать, исходя из фактически преобладающих в реальной действительности сочетаний видов имущества. Факторный, компонентный, кластерный анализ, многомерное шкалирование и т. п. методы обеспечивают относительно достоверное определение подобных сочетаний. Поскольку в основе этих методов лежит математический анализ, их, в сопоставлении с логическими приемами, можно называть аналитическими (аналитическими в алгебраическом смысле).

Во многих отношениях естественно-эмпирические (аналитические) критерии и классификации обладают несомненными преимуществами⁶. Пожалуй, главное из них — возможность определять сходство и различия, учитывая одновременно десятки показателей*. Вместе с тем свои достоинства имеют и многомерные логические критерии. Именно потому, что эти критерии опираются на меньшее число исходных показателей, объединяемых к тому же по четким и заранее заданным правилам, они обычно отличаются заметно большей простотой, ясностью, прозрачностью, сравнительно с факторными, компонентными, кластерными критериями и типологиями. Еще важнее, что интерпретация логических критериев (а значит и результатов основанных на них классификаций) имеет гораздо более однозначный, более определенный характер. Соответственно, они позволяют делать более четкие заключения, тогда как итоги факторного или кластерного анализа оставляют привкус сомнения, так что их результаты образуют не столько выводы, сколько гипотезы.

Определенные преимущества логических критериев выступают особенно ясно, когда речь идет о классификации объектов, обладающих нелинейными, неаддитивными свойствами, т. е. свойствами, которые нельзя суммировать. Одномерную дифференциацию по доходам почти всегда можно характеризовать градациями, различающимися по величине. Многомерные показатели в определенных пределах также допустимо рассматривать в качестве линейного, аддитивного феномена. В рамках примера об имущественной обеспеченности для этого достаточно предположить, что уровни этой обеспеченности хорошо описываются различиями в числе предметов, характерных для той или

---

* Меньшую априорность, как будто свойственную эмпирическим методам, вряд ли стоит относить к числу их первостепенных достоинств сравнительно с логическими. Факторный или кластерный подходы, по сути дела, не устраняют включения априорных постулатов исследователя, но просто переносят их на иную ступень анализа.

иной категории*. Если же, продолжая этот пример, считать, что имущественная обеспеченность определяется не только числом предметов, но и наличием или отсутствием определенных видов имущества, то надо относиться к различиям по имуществу как к нелинейным, принципиально не сводимым к сумме предметов. Понятно, что применительно к имуществу (и многим другим социально-экономическим явлениям) нелинейный подход выступает в качестве уточнения, усложнения линейной классификации. Подчас уточнения такого рода бывают очень существенными, а то и совершенно необходимыми. В любом случае из необходимости применения при изучении современной материально-экономической дифференциации множества различных расчетов явно вытекает желательность использования в их ряду также и нелинейных подходов. В частности, стремление учитывать существенную нелинейность материально-экономических делений определяет в данной работе характер критериев, которые составляют основу выделения групп, различающихся уровнем жизни.

Но применение нелинейных многомерных критериев эмпирического типа оборачивается их чрезвычайным усложнением и особенно большими интерпретационными трудностями. Похоже, что среди многомерно-эмпирических методов еще не выделились общепризнанные, получившие широкое распространение приемы, рассчитанные на учет специфически нелинейной природы многих социальных явлений. Напротив, среди более простых многомерно-логических подходов достаточно хорошо известны комбинационно-логические приемы, позволяющие ясным образом учитывать и интенсивность, и самое наличие определенных признаков.

Сочетание обоих обстоятельств — большей простоты, прозрачности и большей пригодности для выявления нелинейных свойств — обуславливает использование в этой книге, где делается только начальная попытка многомерного анализа материальных различий, именно комбинационных многомерно-логических критериев. Что касается эмпирических многомерных критериев, обращение к ним окажется совершенно необходимым в последующих исследованиях, когда яснее станут фундаментальные связи новой социальной структуры.

Еще одна трудность пользования методами многомерного анализа должна быть оговорена с самого начала. Помимо слабостей самих многомерных расчетов, их результаты зачастую дополнительно ограничиваются спецификой данных, на основе которых осуществляются

---

* Широко известный пример линейного многомерно-логического критерия — суммирование спортивных медалей разных видов и разного достоинства при неофициальном подсчете очков у национальных команд. В социологии развернутая форма этого рода критериев используется в работах, описывающих динамику социально-политической напряженности⁷.

такие расчеты. Определение параметров материально-экономической дифференциации и установление связей этой дифференциации с другими общественными явлениями предполагают наличие весьма обширного массива данных. Для его получения обычно приходится прибегать к вторичному использованию суммированных материалов, собранных в ходе нескольких обследований, проведенных ранее с совершенно иными задачами. Соответственно, отбор показателей для конструирования многомерных критериев отнесения человека к той или иной группе приходится производить с упором на сведения, имеющиеся в достаточно большом числе исходных документов, и притом документов, собранных в не слишком отстоящих друг от друга точках времени. Увы, подобные сведения почти всегда заметно отличаются от того, что хотелось бы (и можно было бы) получить в рамках обследования, специально ориентированного на многомерное изучение социального расслоения. Так что реально доступные данные для многомерного анализа того типа, о котором идет речь в настоящей работе, обычно оказываются далеко не идеальными.

Однако неидеальные отнюдь не значит, что непригодные. Утвердившаяся в современной России практика проведения едва ли не ежемесячных общенациональных обследований позволяет найти обширные массивы данных, содержащих сведения, пусть и не самые желательные, но достаточные для того, чтобы разработать комбинационные многомерно-логические критерии материально-экономической дифференциации, дающие возможность определить порядок величин, характеризующих эту дифференциацию, а также установить наличие или отсутствие связи между такой дифференциацией и многими другими сторонами общественной жизни. К числу подобного рода массивов относятся материалы опросов взрослого населения России, осуществляемых Всероссийским центром изучения общественного мнения. Великодушная и дальновидная линия ВЦИОМа, в соответствии с которой эти материалы бескорыстно предоставляются исследователям, делает такую возможность практически реализуемой.

18.3. Исходная статистико-социологическая база. Построение шестимерных нелинейно-комбинационных критериев материально-экономического положения

Непосредственно в данной работе в качестве фактической базы многомерного анализа были использованы объединенные данные опросов ВЦИОМа, проведенные в январе 1995, январе 1996 и январе 1997 гг. Каждый из них охватывал от 1,5 до 2 тыс. чел. и с вероятностью $P = 0,95$ репрезентативно представлял взрослое население всей страны с ошибкой выборки в пределах $\pm 2-2,5\%$. В целом, таким образом,

в нашем распоряжении оказались сведения более, чем о 5 тыс. опрошенных, характеризующие их социально-экономическое положение, условия и уровень жизни, демографический, социальный, культурный облик, политические ориентации. К тому же сведения 1995-1997 гг. относятся, в сущности, к одному и тому же периоду социального развития российского общества (во всяком случае, одному периоду с точки зрения социальной дифференциации).

Особенно важно, что материалы январских обследований 1995, 1996, 1997 гг. содержат данные по меньшей мере о 6 показателях, характеризующих разные элементы материально-экономического положения респондентов, охваченных этими обследованиями. В большинстве случаев (4 из 6) содержание показателей очевидно из формулировок, приведенных в табл. 18.1. Лишь в двух случаях нужны пояснения. Это касается показателей душевого дохода и имущественной обеспеченности, которые используются здесь не в том виде, в каком они включались в опросные листы, но конструируются на основе комбинации материалов обследований. Так, полученные в ходе обследований данные о месячном среднечеловеческом доходе домохозяйств, к которым принадлежат опрошенные, используются в преобразованном виде, показывающем их принадлежность к одному из пяти уровней дохода. Для выделения таких уровней используются точки, показывающие качественные различия в доходах. Наиболее надежно они выявляются на материалах обследования 1997 г.

Во-первых, применительно к этому обследованию можно обозначить уровень душевого дохода, за которым, по мнению опрошенных, начинается бедность. В конце 1996 г. и в начале 1997 г. он колебался вокруг 300 тыс. руб. в месяц*. Поскольку здесь принципиально используются округленные цифры, примем это значение как показатель рубежа бедности в январе 1997 г.⁸ Во-вторых, в изучаемых опросах выявляются мнения респондентов о прожиточном минимуме. Как видно из других данных, под прожиточным минимумом основная масса опрошенных (свыше 70 %) понимает не доход, обеспечивающий физическое выживание, но средства, позволяющие, если отвлечься от иных обстоятельств, вести скромно-приличную жизнь⁹. Так что фактически речь тут идет скорее о начальном достатке, своего рода минимуме обеспеченности. Иногда его называют социальным минимумом — в противоположность физическому минимуму, который характеризует скорее предшествующий показатель — границу бедности. В январе 1997 г. минимум обеспеченности по оценке опрошенных составлял, считая среднюю по медиане соответствующих ответов, около 500 тыс. руб. в месяц. В-третьих, таким же образом определяется доход, который, согласно представлениям

* Здесь и далее данные 1995-1997 гг. в неденоминированном масштабе денег.

Таблица 18.1

Исходные показатели (общее число опрошенных — 5167 чел.)

1. Общая оценка материального положения семьи

Градации оценки	Очень хорошее	Хорошее	Среднее	Плохое	Очень плохое	Нет ответа
Число опрошенных	10	258	2433	1878	493	95
Доля опрошенных (%)	Менее 1	5	47	36	10	2

2. Уровень душевого дохода в семье

Градации уровня	Высокий (доход полного достатка)	Средне- высокий (доход начального достатка)	Средний (доход ми- нимального достатка)	Низкий (доход бедности)	Очень низкий (доход крайней бедности)
Число опрошенных	543	704	1047	1829	1044
Доля опрошенных	11	14	20	35	20

3. Качественно-описательная характеристика уровня жизни семьи

Градации характеристики	Живем без материаль- ных забот	Экономим, но живем более или менее прилично	Едва сводим концы с концами	Живем за гранью бедности	Нет ответа
Число опрошенных	277	2215	2169	361	145
Доля опрошенных	5	43	42	7	3

4. Обеспеченность современным домашне-семейным имуществом

Градации обеспеченности	Высокая	Средняя	Низкая	Полная необес- печенность
Число опрошенных	548	1704	2454	461
Доля опрошенных	11	33	47	9

5. Удовлетворенность питанием

Градации удовлетворенности	Вполне удовлетворен	Скорее удовлетворен	Скорее не удовлетворен	Совсем не удовлетворен
Число опрошенных	517	1795	1818	988
Доля опрошенных	10	35	35	19

6. Удовлетворенность жильем

Градации удовлетворенности	Вполне удовлетворен	Скорее удовлетворен	Скорее не удовлетворен	Совсем не удовлетворен
Число опрошенных	936	1907	1230	1039
Доля опрошенных	18	37	24	20

респондентов, позволяет жить «нормально». Подобный доход, как кажется, характеризует средства, дающие возможность вести зажиточную жизнь или жизнь в полном достатке. Медианное значение этого показателя 1997 г. было близко к 1 млн руб. в месяц на каждого человека.

Учитывая содержание перечисленных уровней дохода, а также принимая в расчет неполную сопоставимость медианных значений января 1997 г. для минимума материальной обеспеченности и «нормального» дохода, с одной стороны, среднего показателя границы бедности, с другой, стоит говорить не о точках, а о некоторых интервалах вокруг упомянутых точек. Исходя из общего распределения опрошенных по уровню доходов разумно счесть, что в январе 1997 г. душевой доход в 200-400 тыс. руб. в месяц сам по себе (т. е. не принимая во внимание накопления, имущество, жилье и т. п.) обрекал людей на бедность; доход в 400-600 тыс. при том же условии давал минимальную обеспеченность; в 900—1 100 тыс. позволял вести сравнительно зажиточную жизнь. В таком случае доходы ниже уровня бедности можно считать крайне низкими, нищенскими, а доходы выше минимума обеспеченности и ниже зажиточности — вышесредними или доходами среднего достатка. Выше уровня зажиточности располагаются доходы очень зажиточных и богатых. Но число их так невелико, что носителей этих доходов проще всего просто соединить с зажиточными.

В конечном счете получается, что, исходя из данных января 1997 г., значение среднемесячных душевых доходов можно разделить на 5 основных уровней:

- очень низкие, или нищенские, доходы (менее 200 тыс. руб.);
- низкие, или «бедные», доходы (200-400 тыс. руб.);
- средние доходы, или доходы минимального достатка (400-600 тыс. руб.);
- средневысокие доходы, или доходы начального достатка (600-900 тыс. руб.);
- высокие доходы, или доходы полного достатка и богатства (свыше 900 тыс. руб.).

Для людей, обследованных в январе 1997 г., уровень дохода определяется непосредственно через прямое соотнесение данных об их доходах с вышеперечисленными интервалами. С материалами 1995 и 1996 гг. дело обстоит сложнее, так как здесь отсутствуют сведения о границе бедности. Поэтому значения индивидуальных душевых доходов предварительно пересчитывается в показатели, соответствующие изменению медианных значений этих доходов в 1997 г. Такой пересчет представляется допустимым, поскольку известно, что величина реальных душевых доходов в среднем за 1995-1997 гг. почти не изменилась¹⁰.

Точно так же имеющиеся в обследовании сведения о наличии 15 видов современного имущества и личной собственности (автомашина, дачный домик, цветной телевизор, видеомэагнитофон, морозильник, компьютер и т. п.) позволяють, учитывая наличие или отсутствие этих видов имущества, дать характеристику уровня имущественной обеспеченности каждого из опрошенных. При этом выделяются:

- относительно высокая современная имущественная обеспеченность: семьи, владеющие автомашиной и еще не менее, чем половиной других видов современного имущества;
- средне-современная имущественная обеспеченность: семьи, владеющие автомашиной и менее, чем половиной других видов современного имущества, а также семьи, не имеющие автомашины, но владеющие большинством других видов такого имущества;
- низкая обеспеченность современным имуществом: семьи, не имеющие автомашины и большинства других видов современного имущества;
- полная необеспеченность современным имуществом: семьи, не имеющие ничего из 15 видов современного имущества.

Следует, кроме того, заметить, что показатели, относящиеся к питанию и жилью, по своему характеру отличаются от остальных. Строго говоря, они не представляют сведения о положении опрошенных (точнее, оценки этого положения респондентами), но выражают степень их личной удовлетворенности или неудовлетворенности своим положением. Однако степень удовлетворенности, когда она касается такой элементарной характеристики положения, как питание (притом, питание явно не слишком изощренное), скорее всего прямо вытекает из фактического состояния. Применительно к жилищным условиям дело обстоит не так просто. Думается, однако, что учет в обобщающем критерии некоторого влияния удовлетворенности сделает этот критерий в определенном смысле еще более эффективным. Ведь значимое социальное воздействие оказывают не одни лишь различия в фактическом (объективном, онтологическом) положении, но и восприятие, переживание этих различий. Так что смешение показателей заставляет не только опасаться искажений, но и позволяет рассчитывать на известные преимущества.

В конечном счете, особенно если исходить из разделяемого авторами убеждения, что жизненные обстоятельства людей образуют взаимосвязанную (пусть подчас и противоречивым образом) систему, можно надеяться, что с помощью 6 имеющихся в обследованиях 1995-1997 гг. показателей удастся построить сравнительно надежные комбинационные многомерно-логические критерии отнесения опрошенных к категориям, находящимся в более или менее благополучном,

явно неблагоприятном и промежуточном положении. Применительно к последним многомерные критерии (и только они) позволяют уяснить, чем именно определяется промежуточность положения этой категории: средним состоянием большинства условий жизни или значительными различиями отдельных жизненных обстоятельств у каждого респондента. То есть положением, когда одни показатели уровня жизни респондента имеют позитивные (благополучные), а другие негативные значения. В таком случае промежуточность становится выражением противоречивости, рассогласованности жизненных обстоятельств.

Разумеется, рассогласованность (неконсистентность) социальных статусов в той или иной степени присуща едва ли не любой социальной структуре. Однако в госсocialистических обществах это рассогласовывание было выражено гораздо сильнее, чем в обществах рыночно-демократических. В нынешней России имеются факторы, способствующие как росту, так и уменьшению статусных рассогласований. Каков современный уровень таких рассогласований, особенно применительно к одной из сфер социальной жизни, — материально-экономическому положению — можно установить только эмпирически.

Конкретно комбинации используемых нами исходных показателей, образующие многомерные критерии принадлежности опрошенных к группам, находящимся в благополучном, бедственном, среднем или противоречивом положении, выглядят следующим образом.

К категории находящихся в *сравнительно благополучном материально-экономическом положении* в нашей типологии будут относиться опрошенные, у которых преобладают позитивные значения показателей материального положения (не менее 4 из 6 учитываемых здесь показателей), при условии, что в других их ответах не содержится ни одна крайне негативная оценка. (Позитивными значениями считаются две верхние градации любого показателя, негативными — две нижние, крайне позитивными или крайне негативными — самая высокая и самая низкая градации.)

Наоборот, в категорию находящихся в *бедственном материально-экономическом положении* будут включаться те, в чьих ответах преобладают негативные значения (не менее 4 из 6), при условии, что среди других показателей их положения нет ни одного крайне позитивного индикатора.

Все остальные составят категорию, находящихся в *промежуточном материально-экономическом положении*. В составе этих последних целесообразно выделить группу находящихся в *остропротиворечивом социально-экономическом положении*. В нее войдут респонденты, в чьих ответах число позитивных оценок более или менее сопоставимо с числом негативных (т. е. их ответы содержат либо по три позитивных и негативных оценки, либо две и четыре позитивных и негативных

характеристик или наоборот). Противоречивыми здесь оказывается подавляющее большинство (свыше 2/3) условий жизни.

В результате применения этого метода изучаемая совокупность была разделена на три категории на основании сформулированных выше различий по материально-экономическому положению (см. табл. 18.2). Понятно, что их число заложено в самой конструкции используемых критериев. Однако наполненность категорий, их количественное соотношение не предопределяется ни критериями, ни методикой расчета. Тем знаменательнее, что многомерно-комбинационное определение материально-экономической принадлежности привело к тому, что все выделенные категории оказались достаточно многочисленными и одновременно пусть не равными, но по численности сопоставимыми друг с другом.

Вместе с тем из рассмотрения практически выпадают данные, касающиеся малочисленных групп, которые, вообще говоря, могут играть очень важную роль в дифференциации общества. Однако, как уже неоднократно отмечалось выше, в массовых социологических опросах, вроде тех, что образуют фактическую основу нашей работы, нельзя получить достоверные сведения об очень малых группах или группах, контакт с которыми затруднен. Соответственно дальнейшие расчеты почти ничего не скажут ни о богатой и властной верхушке общества, ни о его социальном дне. По роду исходных данных и применяемых методов их анализа речь тут (и дальше) идет лишь о различиях, охватывающих достаточно большие категории населения.

В свою очередь, их многочисленность означает, что используемые критерии выделяют не редкостные, случайно-экзотические наборы показателей, но сочетания свойств (точнее отражающих их индикаторов), широко представленные в выборке и, значит, также в реальной действительности — с точностью до статистической ошибки. Иными словами, тут напрашивается двоякий вывод: с помощью многомерных критериев улавливаются не все существующие в обществе материально-экономические положения (статусы); но те массовые положения и статусы, которые с помощью таких критериев выделены, действительно присутствуют в социуме.

Очень существенно, что соотношения категорий материально-экономической дифференциации, выявляемые многомерными расчетами, отличаются очень высокой устойчивостью. Они почти не изменялись в опросах 1995, 1996, 1997 гг. и даже у механически отделенных частей отдельных обследований (такие части получаются, так как некоторые вопросы задавались не всем респондентам). Неизменность пропорций отражает, с одной стороны, принципиальное сходство условий, определявших материально-экономические различия в 1995-1997 гг., и вытекающую отсюда обоснованность объединения данных за эти

Таблица 18.2

Распределение опрошенных по категориям, различающимся материально-экономическим положением (в соответствии с шестимерными критериями — в % к числу опрошенных в данном массиве)

Массивы опрошенных (человек)	Находящиеся в благополучном положении	Находящиеся в бедственном положении	Находящиеся в промежуточном положении			Все опрошенные
			все	находящиеся в остропротиворечивом положении	прочие	
Все опрошенные в 1995-1997 гг. (N = 5167)	15	31	54	36	16	100
Опрошенные в январе 1995 г. (N = 1530)	14	32	54	38	16	100
Опрошенные в январе 1996 г. (N = 1829)	15	30	55	40	15	100
Опрошенные в январе 1997 г. (N = 1808)	14	32	54	38	16	100
Опрошенные, ответившие на один из вопросов в 1996-1997 гг. (N = 3358)	14	32	54	38	16	100
Опрошенные, ответившие на один из вопросов в 1995 г. (N = 778)	15	31	54	37	17	100

годы. С другой, она подтверждает устойчивость многомерных критериев, сглаживание ими относительно небольших колебаний (поскольку определенные переменные, в частности, сокращение инфляции, все-таки имели место в то время).

Понятно, что все эти косвенные и дополнительные подтверждения надежности результатов, получаемых с помощью многомерных критериев, не устраняют ни неизбежных ошибок выборки, ни известной ограниченности наших критериев. В любом случае при распространении расчетов, сделанных применительно к выборке, на общество в целом, наивно настаивать на точности каждого процентного пункта. Вернее представить итоговое соотношение в приблизительно-интервальном виде.

Взятые в такой округленной форме результаты расчета на основе шестимерных комбинационно-логических критериев позволяют утвер-

ждать, что в 1995-1997 гг. 10-20% российского общества находилось в более или менее благополучном материально-экономическом положении, 30-35 % было обречено на крайнюю нужду и глубокую бедность, 50-55 % жило в промежуточной ситуации, в том числе 35-40 % — в ярко выраженной противоречивой обстановке, включающей как вполне благополучные, так и совершенно бедственные жизненные обстоятельства. Еще раз оговоримся: результаты многомерных расчетов, даже представленных в осторожной округленно-интервальной форме, не дают оснований для окончательных суждений о перечне и соотношении категорий, формирующих материально-экономическую дифференциацию (равно, как и сами применяемые тут критерии не являются заведомо наилучшими). Думается, тем не менее, что, не будучи бесспорным и исчерпывающим, ряд устойчивых и широко распространенных групп, выявляемых многомерными критериями, достаточно надежен, чтобы стать предметом детального рассмотрения и явиться одним из элементов такого сопоставления.

18.4. Основные черты материально-экономических условий жизни отдельных категорий населения

Рассмотрение конкретных результатов изучения материально-экономической дифференциации с использованием многомерных критериев логично начать с разбора каждой из категорий, получающихся в соответствии с этими критериями. Конечно, показатели положения этих групп отчасти предопределены содержанием самих критериев. Среди людей, находящихся в благополучной ситуации, по определению не должно найтись таких, для кого типичны самые худшие значения основных индикаторов жизненной обстановки; напротив, у живущих в крайней нужде не будет наилучших показателей. Однако в остальных отношениях жизненная обстановка массовых материально-экономических категорий населения может быть выяснена именно и только на основе анализа фактического положения людей, образующих соответственно используемым здесь критериям сами эти категории. К тому же после установления материально-экономической принадлежности условия жизни отдельных категорий можно будет рассматривать с привлечением ряда дополнительных показателей сверх шести базовых индикаторов, составляющих исходные критерии. В число базовых приходилось включать только те показатели, которые относятся ко всем опрошенным. Когда же разбиение на категории произведено и начинается разбор не индивидуальных, но именно групповых характеристик, становится допустимым принимать в расчет и те сведения, что касаются лишь части респондентов. Разумеется, исчислять средние и частотные

показатели по дополнительным сведениям надо, учитывая как раз эту часть каждой из категорий.

В общем, положение каких из получающихся у нас категорий лучше и каких хуже ясно с самого начала. Но насколько и в чем именно лучше заранее знать нельзя. Так что обратимся непосредственно к конкретным характеристикам уровня и условий жизни людей, находившихся в 1995-1997 гг. в благополучном, бедственном и противоречиво-промежуточном материально-экономическом положении (см. табл. 18.3).

18.4.1. Благополучные

Как и следует ожидать, наиболее заметные и легко объясняемые особенности отличают положение тех, кто находится в более или менее хороших обстоятельствах, и тех, кто живет в крайней нужде. Так, материально-экономическое благополучие — при том, что речь идет не о ярко выраженном богатстве, а именно о благополучии, охватывающем заметную часть населения (и потому неизбежно умеренном) — означает получение душевого дохода в среднем более, чем вдвое (в 2,3 раза) превышающего показатели по всему обследованному массиву. В ином сопоставлении средний доход в совокупности благополучных семей и домохозяйств на четверть превосходит уровень минимальной материальной обеспеченности, как данный уровень понимается опрошенными. Фактически доход, несколько превышающий уровень минимума материальной обеспеченности, имели 35-40 % благополучных. Еще примерно у 40% доходы находились на существенно более высоком уровне, позволяя им жить, как определяют это сами респонденты, «более или менее нормально». Вместе с тем для 15-20% опрошенных характерны более низкие доходы — соответствующие или чуть уступающие уровню минимальной обеспеченности. Что касается действительно низких, «бедных» доходов, граничащих с прожиточным минимумом или не достигающих его, то они практически отсутствуют в этой категории.

Примечательно, что в нашей совокупности превышение доходов благополучных респондентов среднего уровня, в общем, соответствует тому, что показывают измерения доходной дифференциации всего населения России, проведенные в те же годы. Правда, разрыв в 2,2-2,3 раза, который фиксируется в официальных данных о денежных доходах, характерен для верхних 20% населения¹¹, очевидно, что у верхних 15 % такой разрыв явно должен быть большим. Однако меньшая роль текущего дохода при определении благополучия с учетом нескольких факторов совершенно понятна: некоторые из этих факторов (например, накопленное имущество и жилье) отчасти замещают доход. В сегодняшнем российском обществе материально-экономическое благополучие (не богатство, а именно обычное, в сущности, умеренное

Таблица 18.3

Условия жизни основных категорий опрошенных, находящихся в различном материально-экономическом положении (по шестимерным критериям; в %)

Показатели положения	Благополучные	Бедствующие	Промежуточно-противоречивые	Из них: находящиеся в остропротиворечивом положении
1. Доходы				
Уровень душевого дохода по отношению к среднедушевому доходу всех опрошенных	236	59	99	97
То же — по отношению к доходу, соответствующему минимуму материальной обеспеченности	128	32	54	52
Соотношение имеющих доход, позволяющий жить прилично или ни в чем себе не отказывать, и доход, при котором едва удастся сводить концы с концами или приходится жить за гранью бедности*	97:2	7:90	59:38	60:39
2. Потребление, расходы				
Соотношение удовлетворенных и неудовлетворенных питанием*	93:7	5:94	54:45	53:47
То же — жильем	86:14	25:74	64:35	62:38
Доля имеющих автомашину	56	7	30	29
Соотношение хорошо, а также средне обеспеченных имуществом и малообеспеченных, а также совершенно необеспеченных*	85:15	14:86	49:51	48:52
Доля имеющих сбережения	39	5	15	13
Доля имеющих возможность купить жилье	12	Менее 1	2	2
3. Самооценка материального положения в целом				
Соотношение оценивающих свое материальное положение как хорошее, среднее, плохое*	23 : 76 : 1	2 : 20 : 78	3 : 55 : 40	3 : 50 : 45
Соотношение удовлетворенных и неудовлетворенных своим материальным положением*	54:44	1 : 97	17:81	15:83

Продолжение таблицы 18.3

Показатели положения	Благополучные	Бедствующие	Промежуточно-противоречивые	Из них: находящиеся в остропротиворечивом положении
4. Динамика материально-экономических перемен				
Соотношение тех, у кого материальное положение за предшествующие годы улучшилось, осталось прежним, ухудшилось*	40 : 30 : 30	16: 15:69	22 : 22 : 56	20:21 : 58
Самооценка общественного положения несколько лет назад (по десятибалльной шкале)**	4,4	3,6	4,0	
Самооценка общественного положения в момент опроса (по десятибалльной шкале)**	4,6	2,7	3,5	

* Без учета затруднившихся ответить.

** Более высокие баллы соответствуют более высокому положению.

благополучие) в массе случаев достигается только при наличии устойчивого денежного дохода, значительно превосходящего общесредний даже в своих открытых формах. Это положение отличается от ситуации в советском обществе, где в благополучном (по тогдашним меркам) материально-экономическом положении оказывались подчас люди, которые имели вполне умеренные денежные доходы, но обладали доступом к источникам дефицитных ценностей, привилегиями в получении бесплатных и льготных благ.

С уровнем денежного дохода хорошо согласуются, и, так сказать, натуральные, вещественные показатели материально-экономического благополучия. По этим показателям верхние 10—20 % также примерно вдвое превосходят средний уровень. Практически все, находящиеся в благополучном положении — 97 % их — удовлетворены питанием, тогда как в среднем удовлетворены им только 45 %. Больше половины благополучных (56 %) имеют автомашину, при том, что в целом по выборке она есть лишь у четверти опрошенных (27 %); современным бытовым имуществом хорошо и средне обеспечена подавляющая часть живущих благополучно (85 %) и меньше половины всех обследованных (44%). Сходное соотношение характерно и для показателей удовлетворенности жилищными условиями (86 и 55 %).

Впрочем, для понимания того, что означает благополучное материально-экономическое положение важна не только относительная сторона приведенных соотношений. Еще показательнее их абсолютная

величина. Реальное благополучие проявляется не просто в том, что уровень жизни у его носителей вдвое выше, чем у остальных. Главное, что если не все, то подавляющее большинство тех, кто отнесен к числу материально благополучных, действительно (так сказать, в абсолютном выражении) хорошо питаются, обеспечены современным имуществом, удовлетворены своими жилищами. Более того, в современной России они образуют единственную массовую категорию, находящуюся в подобном положении. Во всех прочих массовых группах материально-экономическая ситуация качественно хуже: основные показатели жизненной обстановки — питание, имущество, жилье — явно недостаточны либо у большинства, либо у очень значительной части (1/3-1/2) людей, входящих в их состав.

Особенность положения благополучных, их в некотором роде противопоставленность остальным слоям населения сказывается еще в одном отношении. Только у них на протяжении предшествующего периода материально-экономические условия в массе случаев — у 70 % — не ухудшились; притом свыше половины тех, кто не испытал ухудшения (40 % всех благополучных, т. е. относительное большинство данной категории) считает, что их жизненный уровень в течение этих лет повысился. Это прямо противоположно соотношению в других группах, где половина, а то и три четверти респондентов говорят об ухудшении своего материального положения. В обстановке ломки общественной системы и громадного экономического спада позитивная динамика становится одним из самых важных признаков материально-экономического благополучия.

Отмечая решительное отличие благополучных групп от прочих категорий, следует подчеркнуть, что материально-экономическое положение большинства из той пятой-шестой части населения, которая живет в относительно хороших (и улучшающихся) условиях, все-таки очень далеко от жизненной обстановки подлинного богатства. Доля действительно богатых людей в нашем обществе пока что несравнимо меньше. Уровень жизни массовых благополучных групп отражает стандарт не этих последних, но формирующегося среднего класса современной России. Такой самоочевидный признак богатства, как обладание средствами, позволяющими купить жилье, характерен лишь для 12 % людей, находящихся у нас в благополучном положении. (Другое дело, что в прочих категориях подобных возможностей нет практически ни у кого.) У большинства благополучных вообще нет сбережений — они имеются только у 39 %.

В этой связи вполне реалистичными выглядят самооценки материального положения опрошенных этой категории (примерно 75 % называют его средним и говорят, что им приходится экономить, чтобы жить более или менее прилично, а около 45 % выражают удовлетво-

ренность уровнем своей жизни). Так что с собственно экономической точки зрения, в частности, как определяющий фактор на потребительском рынке, благополучные сегодня даже не средний, а, если можно так выразиться, протосредний класс. Тем не менее, 10-20 % населения, живущим еще только в относительно благополучных условиях, и теперь есть что терять и чем рисковать. Этот слой общества в основной своей части уверен, что вместе с ростом материального благосостояния происходит более широкий процесс возвышения всего их социального положения. Свыше 50 % благополучных считает, что за предшествующие годы их социальный статус улучшился. В целом самооценка социального положения этой категории опрошенных повысилась за 3—4 года с 4,3 до 4,6 баллов (по десятибалльной шкале). Поэтому в социальном смысле они уже могут играть роль среднего класса, выступающего (по крайней мере потенциально) в качестве опоры стабильности и порядка в обществе.

18.4.2. Бедствующие

Шестой части общества, живущей в относительно благополучной обстановке, в 1995-1997 гг. противостояла бедная треть — люди, находящиеся поистине в бедственном материально-экономическом положении. Конкретные характеристики условий жизни бедных отличаются от средних показателей по выборке так же разительно, как и у благополучных, но, естественно, в противоположную сторону (см. табл. 18.3). Средний душевой доход в бедных семьях и домохозяйствах почти в 1,5—2 раза уступает усредненному доходу всех обследованных и в 3 раза — среднему уровню минимальной материальной обеспеченности. Фактически около половины бедных (48 % опрошенных этой категории) имеют доходы, колеблющиеся вокруг прожиточного минимума (уровня бедности в понимании респондентов), и треть (34%) — еще более низкие, совершенно нищенские доходы. Лишь у 15-20 % бедных денежные доходы заметно превышают прожиточный минимум, приближаясь к уровню, дающему надежду на минимальную материальную обеспеченность. Это именно надежда, абстрактная возможность, ибо на деле подобной обеспеченности у них все-таки нет, о чем свидетельствуют другие показатели — имущество, жилье, питание и т. п. Доходов, позволяющих рассчитывать на зажиточность, в этой категории не получает никто.

Соответственным образом — опять же симметрично-противоположно ситуации в благополучных семьях — выглядят у бедных натурально-вещественные характеристики жизненной обстановки. Пожалуй, самое поразительное здесь — всеобщая неудовлетворенность питанием. О плохой и недостаточной еде говорит 94% бедных. (Напомним, что 93% благополучных удовлетворены тем, как питаются их

семьи.) Чуть меньшая часть, но все же основная масса (74 %) тех, кто находится в бедственном положении, не удовлетворены жильем. Для подавляющего большинства (86 %) типична малая обеспеченность или полная необеспеченность современным имуществом: у 69 % есть только немногие предметы из 15 видов имущества, учитывавшегося в ходе опроса, у 17 % — нет ничего. Почти ни у кого из бедняков нет никаких накоплений (есть только у 5 %), никто в этой категории, естественно, не может купить новое жилье. Неудивительно, что около 80-90 % людей, попавших, в соответствии с нашими критериями, в категорию бедных, оценивают свое материальное положение как плохое и очень плохое или говорят, что они едва сводят концы с концами, живут за гранью бедности и т. п. Практически все бедные (97 %) не удовлетворены своим материальным положением.

Чрезвычайно выразительны ощущения динамики бедности, испытываемые теми, кто оказался в тяжелых материально-экономических обстоятельствах. В противоположность благополучным, 70% которых утверждают, что условия их жизни улучшились или по крайней мере не изменились, среди бедных почти такая же доля (69 %) уверена, что за предшествующие 5 лет их материальное положение ухудшилось.

Важно обратить внимание, что современная, «новая» бедность (как, в частности, видно из только что приведенных данных) качественно отличается от бедности последних советских десятилетий. Показательно, что наибольшую, фактически всеобщую неудовлетворенность у бедных сегодня вызывает питание. Похоже, что за таким поголовным недовольством стоит прямое недоедание по крайней мере части находящихся в бедственном материально-экономическом положении. В подобной форме бедность у нас, кажется, не выступала с половины 30-х гг., войны и послевоенных лет. С тех пор и до 90-х гг. бедность проявлялась, в первую очередь, в ужасных жилищных условиях, недостатке одежды и имущества, в качественной несбалансированности питания. Но прямая нехватка пищи бывала лишь в самых исключительных случаях.

Нынешнее обострение проблем питания не равнозначно, конечно, возврату к катастрофическим или полукатастрофическим ситуациям времен коллективизации и войны. В стране сегодня нет массового голода, охватывающего основные слои населения. Физически ощутимое недоедание затрагивает главным образом беднейшую треть населения, живущую в самых тяжелых условиях (притом отнюдь не весь этот слой). Однако в развитой стране конца XX в. недоедание, широко распространенное хотя бы и в трети или четверти общества, составляет признак социального кризиса, не менее острого, чем тот, который в первой половине столетия выражали всеобщие голодовки. Поэтому, строго говоря, преувеличенные оценки массового сознания и публицистики — утверждения об очень широком распространении недоедания,

голодных обмороках, всеобщей дистрофии и т. п. — будучи неверны в фактическом отношении, в более глубоком смысле выявляют вполне реальную «ненормальность», «кризисность» нынешней ситуации. Поэтому представляется верным утверждение, что «новые бедные» образуют столь же закономерную составляющую «новых русских», как и «новые скоробогачи», обычно отождествляемые с этим понятием.

Проявления бедности охватывают теперь и те стороны жизненной обстановки, где раньше нищета не выступала в крайних формах. На фоне улучшения жизни благополучных такое расширение поля тягот резко усугубляет социальные различия в обществе, превращает их в разрывы. Разница в материально-экономическом положении благополучных и бедствующих достигает такой глубины, при которой многие бедняки по материальным условиям своей жизни оказываются не просто более бедными членами единого общества, но его социально принижеными, дезинтегрированными изгоями, обитающими как бы в иной жизненной среде. Показательно, что параллельно с ухудшением собственно материальных обстоятельств в составе бедных увеличивается доля тех, кто считает, что в последние годы понизилось и все их социальное положение в целом. Таких насчитывается более 40 %; 50 % бедных полагают, что социальный статус не изменился, менее 10 % — что повысился. В итоге свыше половины бедняков уверена, что теперь они принадлежат к крайним низам общества. И только треть думает, что ситуация была такой же несколькими годами ранее. Средняя самооценка нынешнего социального положения сравнительно с недавним прошлым опустилась у бедных с 3,6 до 2,7 баллов (по десятибалльной шкале). Материально-экономическая бедность практически полностью совпала с социальной приниженностью. Следовательно, рядом со скрепляющим социум протосредним классом, формирующимся из материально благополучных слоев, складываются бедствующие социальные низы, социальные аутсайдеры, чье положение во многих отношениях отчуждает их от общества, делает восприимчивыми к соблазнам радикально-утопических перемен, чреватых новой общественной дестабилизацией.

18.4.3. Находящиеся в промежуточном и противоречивом положении

В условиях жизни благополучных и беднейших слоев, охватывающих, судя по изучаемой выборке, около половины населения, материально-экономические различия выступают в своих наиболее открытых и ясных формах. Жизненная обстановка именно этих категорий определяет характер современных материальных делений, отсюда исходят главные импульсы перемен, здесь находятся их ключевые точки. На фоне крайних категорий положение второй половины российского общества, занимающей промежуточное место между благополучными

и бедствующими слоями, выглядит менее значимым, не слишком много дающим для понимания дифференциации.

В общем и целом, показатели промежуточного материально-экономического положения находятся где-то посредине между показателями благополучных и бедственных условий жизни — похуже первых, лучше вторых. В известном смысле, так оно и есть. Практически все они более или менее соответствуют середине интервала между благополучными и бедствующими. Если душевой доход у благополучных более, чем вдвое превосходит величину среднего дохода по выборке и примерно равняется минимальной обеспеченности, а у бедствующих — вдвое уступает среднему и втрое — минимуму обеспеченности, то у тех, кто живет в промежуточной ситуации, он практически равен среднему в обследованной совокупности и несколько превышает половину минимума обеспеченности (54%). Доход здесь, следовательно, близок к официальному прожиточному минимуму¹². Фактически доходы на уровне прожиточного минимума имеют 35—40 % принадлежащих к промежуточной категории; почти у 20 % тут доходы еще ниже, у 40-45 %, наоборот, колеблются вокруг минимума материальной обеспеченности.

Подобным же образом обстоит дело и с натурально-вещественными показателями жизненной обстановки. Для промежуточного слоя, взятого в среднем, не характерны ни полная имущественная обеспеченность, ни всеобщая удовлетворенность жильем и питанием, отличающие благополучных, ни преобладание необеспеченности, неудовлетворительного жилья, плохого питания, как у бедных. Здесь снова все посредине: удовлетворены питанием больше половины находящихся в промежуточных условиях (54%); хорошо и средне обеспечена более двух пятых (41 %); жильем довольны около двух третей их (64%).

Правда, направленность материально-экономических перемен в промежуточных группах (или точнее ее ощущения у опрошенных) ближе к тому, что происходит в бедствующих слоях населения. Как и у бедноты, в промежуточной среде гораздо больше тех, кто говорит о понижении своего жизненного уровня в первой половине 90-х гг., и сравнительно немного чувствующих его рост (54% против 22%).

В целом, рассматриваемая в обобщенном виде, с учетом одних лишь усредненных показателей, промежуточная часть сегодняшнего российского общества выступает как его смешанная полублагополучная-полубедствующая середина — совокупность семей и домохозяйств, находящихся не в полностью благополучном, но и не в крайне бедственном материально-экономическом положении. Надо сказать, что подобное истолкование условий жизни промежуточных категорий во многом правильно. Прежде всего, оно правильно в чисто фактическом смысле. Более детальное рассмотрение показывает, что не только в среднем, но и в подавляющей массе индивидуальных случаев жизненные обсто-

ательства респондентов, принадлежащих к промежуточной категории, действительно лучше, чем у бедствующих и хуже, чем у благополучных. К тому же упор на выделение в промежуточном положении начал «серединности», менее яркого проявления тенденций, которые острее выступают на верхах и низах дифференциации, дает и эвристически ценные результаты. Он способствует осознанию того, что источники перемен и узлы напряженности — а, значит, и главнейшие общественные процессы — отнюдь не всегда и не обязательно связаны с положением наиболее многочисленных слоев народа. Жизненные обстоятельства и сознательная активность меньшинств оказывают решающее влияние на судьбы общества ничуть не реже (впрочем, и не чаще), чем положение и действия народного большинства.

Однако при всем том преимущественно «серединная» трактовка никак не исчерпывает особенностей материально-экономического положения промежуточной части российского общества. Помимо «серединного» уровня большинства жизненных обстоятельств, промежуточное состояние отличается от состояния благополучного и бедственного еще в одном важном отношении. Условия жизни, из которых складывается материально-экономическое положение, имеют у людей, принадлежащих к промежуточной категории, гораздо более противоречивый, разнонаправленный характер, нежели это характерно для благополучной или бедствующей среды. В этих последних, как видно уже из самого подавляющего перевеса позитивных показателей у первых и негативных у вторых, основные условия жизни соответствуют друг другу. Большинство благополучных домохозяйств заведомо имеет и высокие доходы, и хорошие жилища, и достаточное имущество, и удовлетворительное питание. Противоположная, но столь же единообразная ситуация не может не быть типичной для основной массы бедствующих домохозяйств. Обе эти категории, с точки зрения составляющих своего положения, сравнительно гомогенны и однородны. Напротив, промежуточная категория, с характерными для нее серединными показателями позитивных и негативных условий жизни, может оказаться как гомогенной, так и гетерогенной. Гомогенной эта категория была бы в том случае, если у большинства входящих в ее состав людей все или почти все элементы жизненного уровня были бы средними. Гетерогенной — если у принадлежащих к ней людей одни жизненные обстоятельства будут хороши, а другие плохи.

Многомерное описание материально-экономической дифференциации имеет, помимо всего прочего, то достоинство, что оно позволяет выявить степень внутренней противоречивости в положении основных категорий, различающихся уровнем жизни. Более того, тут появляется возможность определить нечто вроде коэффициента противоречивости условий жизни. Суть подобного коэффициента — сопоставление

величины, выражающей фактическую противоречивость учитываемых показателей материального положения той или иной группы с величиной абсолютной, максимально возможной противоречивости. Итоги сопоставления, выраженные в долях, или процентах, величины абсолютной противоречивости, как раз и покажут степень противоречивости в рассматриваемой группе.

Понимаемые подобным образом коэффициенты противоречивости окажутся разновеликими в зависимости от того, что будет считаться состоянием абсолютной противоречивости: [I] ситуация, когда одна половина учитываемых показателей материального положения противоречит другой половине (в наших расчетах, когда из 6 показателей 3 имеют позитивные значения и 3 негативные); [II] любое равенство позитивных и негативных показателей (у нас это означает признание максимально противоречивым и положение с 3 позитивными и негативными показателями, и с 2 позитивными и 2 негативными показателями при 2-х нейтральных и т. п.); [III] или же равенство позитивных и негативных показателей с учетом доли показателей нейтральных. Однако, будучи разными, коэффициенты эти во всех вариантах расчета у людей, находящихся в промежуточном материально-экономическом положении, получаются в несколько раз более высокими, чем у благополучных и бедствующих респондентов: 50-60% против 10-20% (см. табл. 18.4). Да и по абсолютной величине рассчитанные разным путем коэффициенты не слишком отличаются друг от друга, что делает этот вывод еще более убедительным. Так что в России 90-х гг. большинство семейств и домохозяйств, которые нельзя отнести ни к явно благополучным, ни к несомненно бедствующим, попадали в промежуточное положение именно потому, что одни условия жизни у них имели позитивный, а другие негативный характер. Конечно, позитивность и негативность выражены тут несколько слабее, чем в крайних категориях, но все же достаточно отчетливо, чтобы можно было говорить именно о противоположности, а не об усредненности условий жизни человека, попавшего в промежуточную ситуацию.

К тому же напомним, что осуществляемые здесь расчеты особо выделяют в составе промежуточной категории тех респондентов, у которых противоречивым образом соотносится очевидное большинство жизненных обстоятельств, а именно респондентов, у которых 2/3 и более учитываемых нами индикаторов материального положения противоречат друг другу. То обстоятельство, что столь остро выраженная противоречивость определяет, как видно из табл. 18.2, условия жизни 70 % респондентов, находящихся в промежуточном положении (и значит почти 40 % всех обследованных) — это обстоятельство показывает гетерогенную природу нынешних промежуточных групп, пожалуй, еще более ясно, чем разница абстрактных коэффициентов противоречи-

Таблица 18.4

Индекс противоречивости (рассогласованности) условий жизни, формирующих материально-экономическое положение различных категорий опрошенных (в % к показателям абсолютной противоречивости, или полной рассогласованности, учитываемых условий жизни)

Варианты расчета	Среди опрошенных, находящихся в			
	благополучном положении	бедствующем положении	промежуточном положении	
			все	из них находящиеся в остропротиворечивом положении
Вариант I	14	25	61	69
Вариант II	9	18	55	65
Вариант III	9	18	55	59
Средняя по всем вариантам	11	20	55	65

вности. Точно так же полное отсутствие людей, находящихся в остро противоречивой ситуации среди благополучных и бедствующих (их присутствие невозможно тут по определению), подчеркивает преимущественную гомогенность этих критериев, как они понимаются нами.

Реальные проявления противоречивости промежуточного положения имеют очень разнообразные формы. С некоторым огрублением можно выделить два-три наиболее характерных типа противоречащих друг другу условий жизни. Так, в сегодняшней России имеются семьи и домохозяйства с крайне низкими доходами и сравнительно значительной накопленной или унаследованной личной собственностью (жилищами и имуществом), налаженным бытом, приличным питанием. У отдельных групп домохозяйств, находящихся в промежуточном положении, уровень дохода бывает даже ниже, чем в среднем по всем бедным семьям (соответственно 45-50 % и 55-60 % среднего дохода по всей выборке, около 25 % и 30-35 % минимума материальной обеспеченности). Но в то же время для одной части этих домохозяйств характерна неплохая имущественная обеспеченность (в одной из подгрупп низкодоходных домохозяйств, находящихся в промежуточном положении, доля автовладельцев достигает почти 30 %), для другой — хорошие жилищные условия, для третьих — налаженный быт и питание (65-70 % их умеренно удовлетворены своими жилищными условиями, 85-90 % — питанием). Вместе с тем, в составе промежуточной категории находятся люди с обратным соотношением элементов уровня жизни. Они получают доходы столь же высокие, как во вполне благополучных семьях (220-225 % среднего дохода по выборке у этой части промежуточных

и 235-240 % — у благополучных), так же часто владеют автомашинами (55 % и 56 %), но плохо питаются и не имеют хорошего жилья (не слишком удовлетворены питанием 80-85% этой группы, жильем — 60%).

Чисто противоречивые типы, так сказать, ядра противоречивых соотношений, выраженные приведенными цифрами, касаются групп, охватывающих относительно небольшую долю промежуточной категории — немногим больше 15 % всей ее численности. У остальных противоречия выступают в несколько иных пропорциях. Но именно расхождение, с одной стороны, уровня доходов, а с другой — имущественной обеспеченности и/или жилья, и/или питания, образует центр, к которому тяготеет большинство противоречий, характерных для промежуточных условий жизни.

Это и понятно. Подобное расхождение было широко распространено и в советском обществе. Известно, что дифференциация уровня жизни в нем всегда зависела не только (в иные периоды не столько) от величины доходов, но и от доступа к источникам дефицита, привилегий, объема натуральных благ и услуг, получаемых из пресловутых фондов общественного потребления. Все эти факторы материального положения слабо согласовывались друг с другом. Ситуации, в которых одни группы имели высокие заработки, но не могли реализовать их из-за дефицитности товаров, а другие широко пользовались бесплатными и льготными богатствами или дешевизной официальных цен на дефицитные товары — такие ситуации имели едва ли не всеобщее распространение.

В перспективе переход к рыночной экономике, скорее всего, поведет к большей согласованности элементов материально-экономического положения. В конечном счете, доход будет определять уровень материального потребления и материальные условия жизни большинства населения. Однако подобное выравнивание требует немалого времени. Пока же противоречивость различных условий жизни у одних и тех же людей скорее возрастает, чем смягчается.

У огромной массы работников, имевших в недавнем прошлом более высокие заработки (например, у квалифицированных рабочих и инженеров ВПК), денежные доходы резко упали. Но у них сохранилось имущество, жилье, традиции благополучного быта. Наоборот, у миллионов людей, преимущественно молодых, сумевших адаптироваться к рынку, появились относительно большие деньги. Однако эти деньги зачастую все же недостаточны, чтобы быстро благоустроить все жизненные обстоятельства. К тому же в период первоначального накопления и формирования нового строя получатели высоких доходов лишаются их так же часто, как приобретают. Да и вся атмосфера шальных денег нередко ведет к тому, что спорадическое получение значительных доходов отнюдь не всегда сопровождается фундаментальным

и всесторонним улучшением материально-экономического положения. Очень часто возникают самые разные, подчас совершенно невообразимые ситуации, в которых приобретение драгоценностей или автомашины сочетается с обитанием чуть ли не в трущобах, плохим питанием, периодами безденежья и т. п.

Спору нет, подобные противоречивые соотношения встречаются везде в мире. Но обычно они затрагивают сравнительно немногочисленные маргинальные общественные группы. У нас же — и в этом состоит одна из особенностей массовой материально-экономической дифференциации в переходной России — противоречивость различных условий жизни у одних и тех же людей стала типичной для огромной части населения. Помимо энергичных активистов и удачливых, достигших материального благополучия, и противостоящих им бедняков, брошенных в глубокую нищету, в российском обществе массовое распространение получила фигура промежуточного человека, находящегося чаще не в среднем, но именно в противоречивом материально-экономическом положении.

Трудно верить, что противоречивость условий жизни этих людей никак не скажется на их психологии, ориентациях, поведении. Вероятнее ждать обратного — того, что противоречивость жизненных обстоятельств будет снова и снова вызывать плохо предсказуемые, противоречивые перемены в их настроениях и общественном поведении. Похоже, что параллельно с формированием благополучного среднего класса и неинтегрированных социальных аутсайдеров в России сохраняется (может быть, даже растет) слой людей, живущих в противоречивых условиях. Вряд ли этот слой будет устойчивым. Логично думать, что его жизненные обстоятельства в обозримом будущем станут более согласованными. От того, на какой базе будет расти эта согласованность — на основе улучшения или ухудшения условий жизни — в немалой степени зависит эволюция всей социальной ситуации в стране.

18.5. Пропорции дифференциации населения по материально-экономическим условиям

Понимание природы различий в положении категорий населения, находящихся в разном положении, делает возможной осмысленную оценку количественного соотношения этих категорий друг с другом, их удельного веса в обществе. Снова и снова оговоримся, что расчет пропорций, на которые в соответствии с используемыми здесь критериями распадается совокупность обследованных, лишь грубо-приблизительно передает параметры материально-экономической дифференциации реального российского общества. Подобный расчет характеризует лишь

порядок величин и не позволяет делать количественные выводы, более строгие, чем утверждение, что в России 1995-1997 гг.:

- около 1/6 населения жило в благополучных условиях;
- до 1/3 — в крайней нужде и бедности;
- свыше 1/2 — в промежуточно-противоречивой ситуации.

Нестрогость, недетализированность соотношения, понятное дело, сужает область нетривиальных суждений, которые можно сделать на их основе. И все же тут есть, на что обратить внимание. Кстати, очень существенна сама неоригинальность количественных соотношений в наших расчетах — то обстоятельство, что оценки и пропорции дифференциации, если и не буквально такие же, то принципиально сходные с точки зрения их социальных последствий, уже высказывались в научных работах и публицистике. Так что пропорции, получаемые в ходе нашего расчета, лишь подкрепляют определенный тип представлений о соотношении групп, различающихся уровнем жизни. Однако в условиях неопределенности, неустойчивости переходных процессов, проверка предшествующих оценок иными методами, их подтверждение или опровержение — сами по себе являются немаловажной научной задачей.

Задача эта имеет очень серьезный смысл, помимо всего прочего, потому, что оценки распространения бедности, зажиточности, богатства у авторов, занимающих различные идейно-политические и методические позиции, расходятся едва ли не на порядок. Тем существеннее, что многомерные расчеты с их повышенной надежностью совпадают с «некрайними» выводами, согласно которым первые годы рыночного перехода в России хоть и привели к резкому снижению жизненного уровня, все же не сопровождались необратимым распадом повседневной жизни народного большинства.

Спору нет, соотношение людей, живущих (как это следует из многомерных критериев) в благополучной, бедственной и противоречивой обстановке, говорит о жестокой бедности нынешнего российского общества. Мало того, использование таких критериев указывает на более широкое распространение крайней нужды, нежели это следует из официальных данных об одних лишь денежных доходах. Согласно этим последним семьи и домохозяйства, чьи доходы уступали официальному прожиточному минимуму, охватывали в 1995-1997 гг. не треть общества, как то получается при учете нескольких индикаторов, а лишь четвертую или пятую часть населения¹³. (По госстатистике доходов треть россиян попадала в условия острой бедности лишь в некоторые месяцы 1995 г. и раньше.)

Разумеется, надо помнить, что приведенные здесь цифры, строго говоря, отражают пропорции, существовавшие до августа 1998 г. Новый

взлет инфляции и повторная потеря части сбережений, как было показано в предыдущих разделах, заметно понизили общий уровень жизни, явно увеличили долю бедствующих и уменьшили число благополучных. В первые месяцы после августа 1998 г. ряду наблюдателей казалось даже, что смещение пропорций материально-экономической дифференциации приняло принципиальный характер, ведущий к фактическому исчезновению зародышей среднего класса, тех 10-20 % населения, которые в середине 90-х гг. составляли группу благополучных. Одновременно, по мнению этих аналитиков, бедствующие стали абсолютным большинством общества. Основанием для таких выводов служил, помимо не очень надежных расчетов, сделанных на основе предварительных данных, очевидный сдвиг в субъективных самооценках материального положения основных слоев населения. По данным регулярных опросов ВЦИОМа, например, летом и осенью 1998 г. 55-60% населения считало материальное положение своих семей плохим, 30-40% — средним, менее 5 % — хорошим.

Последующее развитие показало, однако, преувеличенность столь катастрофических выводов. (Хотя, как уже говорилось, ни в 1999, ни в 2000 г. реальные доходы и заработки не достигли уровня 1997 г.) Но существенно, что занятость, т. е. число получателей трудовых доходов, в это время заметно выросла сравнительно с зимой 1998/1999 гг. В итоге, в рамках самооценки, восстановились соотношения, где относительное большинство составляют те, кто считает свое материальное положение не плохим, а средним. Согласно весенним и летним ВЦИОМовским обследованиям 2000 г., 45-50% опрошенных относили себя к живущим на среднем уровне, и чуть меньше — к находящимся в плохом материальном положении¹⁴. А ведь весь смысл многомерной и относительно более достоверной оценки материальной дифференциации, как мы стремились показать в данном разделе, состоит в том, что реальные, условно говоря, объективные показатели материально-экономических условий жизни в современной России заметно выше, чем это получается из прямой одномерной интерпретации субъективных ответов о материальном положении. Так что, несомненное снижение уровня жизни в конце 1998 - начале 1999 гг., рассмотренное в чуть более длительной перспективе (скажем, до конца 2000 г.), все же не привело к кардинальному изменению общего уровня жизни и материально-экономической дифференциации. В самом конце десятилетия, как и в середине его, народное большинство в основной своей части находилось в кризисной, а не в катастрофической ситуации. Различение кризиса и катастрофы может показаться лицемерной софистикой, в которой игнорируются страдания десятков миллионов людей. Однако за образами катастрофы и кризиса стоят различные понимания существа происходящего и, соответственно, неодинаковые

представления о способах смягчения современных тягот. Катастрофические оценки ситуации означают признание *бесперспективности* реформ и всего рыночного перехода в России. Желательность возврата к какой-либо из форм нерыночного хозяйства и недемократического политического устройства оказывается неизбежным следствием подобных оценок. По нашему убеждению, история последних десятилетий достаточно ясно показала гибельность попыток этого рода. Напротив, кризисное видение нынешнего периода толкает к поиску решений, связанных с оптимизацией реформ и постоянным совершенствованием рыночно-демократических порядков. Такой подход не обещает быстрого преодоления общественных невзгод и бедствий — благополучное и социально ответственное рыночно-демократическое общество нигде не появлялось в течение нескольких лет. Надежнее тут будет думать о десятилетиях и поколениях. Строго говоря, нет абсолютной гарантии, что процветающий социальный рынок в представимом будущем обязательно сложится в нашей стране. Но движение в сторону рынка и демократии все-таки содержит в себе определенную вероятность успеха (пусть и небыстрого); между тем отказ от движения в этом направлении с абсолютной неизбежностью загоняет нас в «бесконечный тупик» административно-командного хозяйствования.

Простое заключение о ненормальном и нестабильном состоянии индустриального общества, если только 10-20 % всего населения живет в достатке, а вдвое больше бедствуют, потому и недостаточно, что оно оставляет в стороне проблему выхода из этого состояния. В данной связи важно подчеркнуть несколько иные выводы, следующие из пропорций материально-экономической дифференциации.

Первый среди них тот, что присутствие бедствующей трети само по себе далеко не всегда обрекает общество в целом на социальный взрыв и катастрофу. В подобных ситуациях не раз оказывались многие ныне процветающие социально-рыночные экономики, в особенности во времена, когда социализированный капитализм там еще только складывался. Всего четверть века назад авторитетные социальные мыслители не без основания называли Запад «обществом двух третей», подчеркивая тем самым, что жизнь оставшейся трети населения была резко беднее, чем у остальных, и как бы выпадала из общего прогресса. Понятно, однако, что ни Европа, ни Америка не находились тогда в ситуации социальной катастрофы. А через одно-два десятилетия на Западе практически сошла на нет и вся ситуация особого, аутсайдерского положения столь массовых слоев населения.

Вместе с тем — и тут мы подходим ко второму выводу из количественного соотношения категорий, различающихся уровнем жизни — постоянный охват нищетой трети населения всегда создает мощный тормоз общественного прогресса. Такое положение означает нарастаю-

щее отставание этой трети, ее фактическое выключение из наиболее развитых и эффективных форм социальной, культурной, производственной активности. Нравственная и политическая невозможность терпеть непомерные различия накладывает на общество обязанность направлять немалую долю национального продукта на помощь бедствующим слоям населения. Постоянная бедность не только сокращает общественный потенциал значительных групп народа, но и вынуждает общество производить огромные социальные траты, ненужные в иных условиях.

В постсоциалистической России ситуация постоянно бедствующей и потому постоянно отстающей трети народа может иметь особенно губительные последствия из-за силы культурных традиций, согласно которым физический труд — притом именно тяжелый физический труд — заслуживает наибольшего сострадания и вознаграждения. Поэтому многие рабочие требуют повышения зарплаток или выплаты долгов по зарплате, апеллируя не к закону, справедливости, экономическому эффекту, но указывая на тяжесть труда, которым они заняты. Подобные традиции способствуют перерастанию сочувствия к вполне реальным и явно не оправданным страданиям менее развитой части общества в настроение, оправдывающее неразвитость как таковую, укрепляющее мифологию нравственной заслуги, героизма физических усилий и вообще отсталого, допотопного, экономически невыгодного труда.

Наконец, третий вывод из соотношения материально-экономических групп, на который следует обратить внимание, отказавшись от примитивного катастрофизма, также связан со своеобразием постсоветской России. Длительное существование значительного бедствующего меньшинства, не делая социальную катастрофу совершенно неизбежной, образует тем не менее постоянную ее угрозу. Тут надо принять в расчет другую особенность пропорций нашей дифференциации — то обстоятельство, что крайне нуждающаяся треть народа соседствует в сегодняшней России с половиной, находящейся в противоречивом положении. Достаточно ситуации даже не слишком значительно измениться, и в бедствующих условиях окажется большинство общества (как, кстати, оказалось зимой 1998/99 г. Тем более, что противоречивые обстоятельства могут создавать ощущение крайне нужды и без слишком значительных перемен в объективной жизненной обстановке.

Разумеется, противоречивость положения промежуточной половины населения делает возможным как почти мгновенный провал в бедность, так и относительно быстрое повышение жизненного стандарта. Наличие благополучных условий рядом с плохими расширяет перспективу улучшения жизненной обстановки в целом: ведь для позитивного сдвига тут нужно улучшить не все, но лишь некоторые элементы благосостояния. К тому же для достижения более устойчивой стабильности достаточно довести эти элементы до среднего уровня.

Даже такое — пусть очень ограниченное улучшение — может решительно изменить обстановку в стране. Половина населения перейдет в этом случае из неустойчивого и противоречивого состояния в обычное для многих обществ (и обычно все-таки стабильное) усредненно-промежуточное положение. В сущности, именно такой переход — превращение противоречивого материального положения большинства в среднее положение полунуждающихся-полублагополучных — а не искоренение крайней бедности образует сегодня первоочередную задачу совершенствования пропорций материально-экономической дифференциации.

18.6. Особенности распределения населения по различным показателям

Немалый интерес представляет также явное отличие соотношения численности благополучных, бедствующих, промежуточных категорий населения друг с другом от пропорций, в которых распределяются группы населения (опрошенных) по другим показателям или сочетаниям показателей жизненной обстановки. Знаменательна уже разница многих параметров дифференциации по суммарным, многомерным критериям материально-экономического положения (т. е. по критериям, отражающим совокупное воздействие всех учитываемых элементов жизненного уровня) и дифференциации по отдельным условиям жизни.

Самое наличие такой разницы не вызывает удивления — разные стороны жизни развиваются неравномерно. Естественно и то, что пропорции распределения по совокупности показателей находятся где-то между пропорциями распределения по отдельным показателям. Но вот что любопытно: соотношение опрошенных, различающихся отдельными показателями, почти всегда хуже соотношения суммарных категорий благополучных и бедствующих, если речь идет об отдельных характеристиках и оценках обобщающего типа; в то же время распределение по отдельным показателям лучше разделения по суммарным критериям, когда дело касается отдельных конкретно-вещественных составляющих материального положения или вообще его частных элементов. Так, доля опрошенных, оценивших в январе 1997 г. материальное положение своей семьи как хорошее и очень хорошее, втрое меньше, чем доля благополучных по шестимерному критерию (соответственно 4 и 15 %). Напротив, доля говорящих о плохом или очень плохом положении, в полтора раза больше удельного веса бедствующих по такому критерию (49 и 31 %) ¹⁵.

О том, что распределение по отдельным показателям обобщающего характера дает худшие пропорции, чем разделение по суммарным критериям, говорит также соотношение благополучных и бедствующих,

выделенных по совокупности показателей с соотношением людей, удовлетворенных и неудовлетворенных своим материальным положением. Тут, правда, прямое сравнение затруднено. Сведения о суммарном материальном положении включают сверх благополучных и бедствующих еще и людей, находящихся в промежуточной (средней) ситуации, тогда как данные об удовлетворенности предполагают дихотомическое деление — с одной стороны, утверждения о полной или частичной удовлетворенности, с другой, — о полной или частичной неудовлетворенности. Но если рассматривать не абсолютные значения процентных долей, а своего рода соотносительные коэффициенты (во сколько раз число благополучных уступает числу бедствующих, во сколько раз число полностью и частично удовлетворенных уступает числу неудовлетворенных и т. п.), сопоставление становится если и не вполне строгим, то, по крайней мере, осмысленным. Из такого сопоставления видно, что число находящихся в благополучном материальном положении вдвое меньше числа бедствующих, тогда как удовлетворенных материальным положением меньше, чем неудовлетворенных в четыре-пять раз (см. табл. 18.5). Получающаяся из соотношения крайних групп заметно более высокая удовлетворенность материальным положением сравнительно с самооценкой материального положения (доля низко оценивающих свое материальное положение в 9 раз превосходит число оценивающих высоко) кажется не слишком понятной. Однако самый факт более мрачного переживания материального положения в ответах на отдельные вопросы общего характера выступает в таких соотношениях с несомненной ясностью.

Тем важнее, что совершенно иные результаты дает сравнение того, как соотносится число благополучных и бедствующих (по комплексному многомерному критерию) с долей опрошенных, для которых характерны благоприятное и неблагоприятное состояние отдельных конкретно-вещественных показателей материального положения. Число респондентов, обеспеченных современным имуществом и удовлетворенных своим питанием и жильем, почти не уступает числу малообеспеченных и необеспеченных имуществом, неудовлетворенных питанием и жильем (а то и превосходит последнее). Даже в распределении по душевому доходу доля тех, кто получает достаточно денег, чтобы жить, по мнению опрошенных, более или менее прилично или совсем хорошо, практически охватывает половину обследованных.

Во всяком случае, полученные в других опросах ВЦИОМа данные показывают, что около 3/4 обследованных не чувствуют уверенности в завтрашнем дне и полагают, что они живут в атмосфере несоблюдения социальных прав (права на труд, отдых, образование), — этот результат далеко превышает 1/3 материально бедствующих и около 1/2 не имеющих достаточного имущества, удовлетворительного жилья,

Таблица 18.5

Сравнительное распределение опрошенных по показателям материального, социального и семейно-личностного положения (в % к общему числу опрошенных по группам)

Показатели	Распределение опрошенных по значениям показателей (% к сумме по строке)			Соотношения численности опрошенных, находящихся в крайних категориях
Обобщенные показатели материального положения				
Материальное положение по суммарным (шестимерным) критериям	Благополучное 15	Промежуточное 54	Бедственное 31	1 : 1,2
Самооценка материального положения	Хорошее 5	Среднее 47	Плохое 46	1 : 9,4
Удовлетворенность материальным положением	Удовлетворены 18		Неудовлетворены 81	1 : 4,5
Показатели отдельных элементов материального положения				
Душевой доход	Доход минимального или более высокого достатка 45	Доход бедности и крайней бедности 55		1 : 1,2
Имущественная обеспеченность	Высокая и средняя обеспеченность 44	Малая обеспеченность и необеспеченность 56		1 : 1,3
Удовлетворенность жильем	Удовлетворены 55	Неудовлетворены 44		1 : 0,8
Удовлетворенность питанием	Удовлетворены 45	Неудовлетворены 54		1 : 1,2
Показатели социального положения				
Уверенность в завтрашнем дне	Уверены 22	Неуверены 71		1 : 3,2
Соблюдение права на труд, отдых и т. п.	Считающие, что социальные права соблюдаются 19	Считающие, что социальные права не соблюдаются 70		1 : 3,7
Показатели семейно-индивидуального положения				
Удовлетворенность семейными отношениями	Удовлетворены 79	Неудовлетворены 18		1 : 0,2
Удовлетворенность кругом общения	Удовлетворены 82	Неудовлетворены 16		1 : 0,2
Показатели всей жизненной обстановки				
Удовлетворенность жизнью в целом	Удовлетворены 48	Неудовлетворены 45		1 : 0,9

питания, минимально приличного дохода, как получается по многомерным критериям. Напротив, распределение опрошенных в зависимости от удовлетворенности состоянием социальной системы, особенно дихотомическое соотношение позитивных и негативных оценок (число первых в 3-4 раза меньше вторых), близко к соотношению респондентов по общим оценкам материального положения и удовлетворения им (см. табл. 18.5).

Явно более широкая распространенность негативных оценок социальной ситуации и материального положения в целом, сравнительно с распространением суммарных многомерных показателей бедности и числом негативных оценок по большинству отдельных условий жизни, подводит к более широкому заключению (скажем строже, предположению) о факторах, определяющих ощущение жизненного уровня. Похоже, что в ряду этих факторов социально-психологические и социально-культурные явления, состояние массового сознания играют не меньшую роль, чем объективные составляющие, так сказать, действительные обстоятельства. Многие элементы и институты социальной поддержки, существовавшие в советском обществе (вообще говоря, не слишком совершенные), на самом деле серьезно ослабили или совсем не могут функционировать в рыночной экономике. Исчез дефицит труда (обусловленный в прошлом его низкой производительностью) и вновь, после 70-летнего перерыва, образовалась безработица. Но в то же время появились и совершенно новые формы отстаивания социальных прав и обеспечения социальной защиты — возможности создания реальных профсоюзов, организации забастовок, митингов, демонстраций, обращения в суд, использования свободы слова, апелляции к правам человека и т. п. Баланс ослабления прежних и появления новых возможностей потенциально позволяет обеспечить уровень социальной защищенности, не уступающей тому (в перспективе, как свидетельствует мировой опыт, превосходящий), что существовал в рамках государственного социализма. Тот факт, что подавляющая часть населения ощущает ныне несоблюдение социальных прав и растущую социальную неуверенность, выявляет отнюдь не только возникновение новых социальных опасностей, характерных для капитализма. Сверх того, это ощущение есть следствие еще не сформировавшегося умения самоорганизовываться, активно защищать свои интересы, преодолевать патерналистскую пассивность и одновременно отражение естественной человеческой традиционности восприятия нового, непривычного как чуждого, тягостного, ухудшающего жизнь. Совместное воздействие всех объективных и субъективных, материально-вещественных и психологических факторов как раз и обуславливает повышенное распространение общих негативных оценок материально-экономического и социального положения.

Однако социально-психологическое опосредование общественных перемен далеко не всегда «утяжеляет» восприятие действительности. Человеческое сознание — и индивидуальное, и массовое — вырабатывает внутренние защитные механизмы, помогающие переносить раздражающую душу противоречия кризисных эпох. По-видимому, действием подобных механизмов объясняется преобладание среди обследованных и во всем российском обществе людей, удовлетворенных отношениями в семье (75—80 %) и довольных кругом своего общения — друзьями, родственниками, соседями (свыше 80 %). Иными словами, число довольных своим семейно-личностным положением в 4—5 раз превышает число недовольных, тогда как доля объективно находящихся в материально благополучном положении в 2 раза меньше доли бедствующих, а доля субъективно удовлетворенных материальным положением в 5 раз уступает доле тех, кто не удовлетворен им. И это при том, что в сегодняшней России кризис традиционной семьи по своей глубине вряд ли существенно отличается от кризиса уровня жизни. Достаточно вспомнить о том, что на десять браков приходится теперь шесть разводов¹⁶, так что распад грозит большинству семей, что каждый пятый младенец рождается вне брака, что стремительно растут пьянство и наркомания.

Разительная противоположность удовлетворенности семейными отношениями и неудовлетворенности материальным положением при несомненно кризисных явлениях в обоих случаях обусловлена, помимо всего прочего, разнонаправленным воздействием психологических факторов. Надо думать, здесь сказываются, с одной стороны, всеобщие механизмы более высокой оценки ситуаций, на которые человек может или как будто может воздействовать и за которые несет ответственность, а с другой — специфическое повышенное стремление к опоре на семью и ближайшее окружение в эпохи нестабильности¹⁷. Но каковы бы ни были причины, практически всеобщая удовлетворенность семейно-личностными отношениями смягчает общественные антагонизмы, возникающие вследствие массового недовольства населения материальным уровнем жизни и еще больше социальной обстановкой. Мэру такого смягчения показывает то обстоятельство, что если об удовлетворенности материальным и социальным положением говорят около 20 % опрошенных в обследованиях 1995-1997 гг., то удовлетворенность жизнью в целом чувствуют почти 50% их. Существенно при этом, что удовлетворенность семейными отношениями хотя и связана с уровнем материального положения, но в очень слабой степени. Довольны ими, считая округленно, 90 % материально благополучных, 70 % бедствующих и 80 % находящихся в промежуточной ситуации. Правда, общую оценку жизни в разных материально-экономических категориях компенсационные психологические механизмы меняют не столь

равномерно. Но все-таки даже среди большинства, живущего в противоречиво-промежуточной обстановке, удовлетворенных жизнью в целом оказывается больше, чем неудовлетворенных, — 54 % против 40 % (среди благополучных соответственно 79 и 17 %, среди бедствующих — 25 и 65%). Очевидно, что психологическая, культурно-идеологическая и насколько позволяют обстоятельства, организационно-экономическая поддержка семейных ценностей может стать немаловажным средством общественной стабилизации.

Кстати, как «ухудшающее», так и «улучшающее» воздействие социально-психологических факторов и механизмов на восприятие народным большинством своего материально-экономического, социального, семейно-личностного положения не является отличительной чертой российского общества или его переходной стадии. Воздействие этих факторов ощущается везде и всегда. Даже направленность подобного воздействия имеет много общего в самых разных странах. Например, в Германии, как и у нас, доля удовлетворенных отдельными материально-вещественными элементами благосостояния выше, нежели процент уверенных в завтрашнем дне (61 % не уверен в будущем), а в США, которые также переживают кризис семьи, удовлетворенность семейными отношениями имеет почти абсолютный характер (96%). Похоже, однако, что в сегодняшней России влияние социально-психологических составляющих выходит за обычные пределы. В социуме, где рушатся устоявшиеся общественные представления о должном, правильном, справедливом, это, по-видимому, и не бывает иначе. Значительная часть населения, теряющая привычный мир, чувствует себя потерянно и неустроенно независимо от того, какова его фактическая предметно-вещная обстановка и доходы. Еще большая часть общества ищет компенсацию в опоре на семью и ближайших друзей, в подсознательном завышении состояния своих семейных отношений и своего круга общения¹⁸. Тем эффективнее может стать в переходную эпоху внимание к социально-психологическим процессам, и тем большим ущербом может обернуться их игнорирование.